

БОЛЬШОЙ
РОМАН

к н и г и
Джулиана Барнса,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ШУМ
ВРЕМЕНИ

•

НЕЧЕГО
БОЯТЬСЯ

•

ПРЕДЧУВСТВИЕ
КОНЦА

•

ПУЛЬС

•

ИСТОРИЯ МИРА
В 10½ ГЛАВАХ

•

АРТУР И ДЖОРДЖ

•

ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА

•

ОТКРОЙ ГЛАЗА

•

МЕТРОЛЕНД

Джулиан
Барнс
МЕТРОЛЕНД

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 25

Julian Barnes
METROLAND
Copyright © 1980 by Julian Barnes
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Покидаевой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-13303-7

© Т. Покидаева, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка*

Была бы вся проза так же тонко сконструирована, так же полна юмора и пицци для размышлений, как «Метроленд», — никто бы и не заикнулся о смерти романа.

New Statesman

Дебют — ну и что, что дебют: все равно прекрасный образчик хорошо темперированной британской изящной словесности. Строгая трехчастная структура, кольцевая композиция, золотое сечение. Сдержанно и иронично.

Метроленд — название пригорода Лондона, пограничная между метрополисом и деревней зона, в которой все особенное, вплоть до сексуальных пристрастий обитателей района. Именно отсюда происходит главный герой, похожий на Барнса молодой интеллектуал, сноб, бунтарь, мечтатель и франкофил, знающий бодлеровскую «Падаль» как свои пять пальцев. Вместе с приятелем-одноклассником они фланируют по городу, философствуют и эпатируют буржуа. Сюжет романа — воспитание чувств, над пропастью во ржи, волшебная гора... Типично барнсовский сюжет — история взросления — в «Метроленде» оказывается историей девальвации метафоры; с годами герой понимает, что

прямая номинация гораздо сильнее... Простое семейное счастье с его нежностью и ласками стоит всех звуко-символов Малларме и бодлеровских метафор. Вообще, в «Метроленде» — одно из лучших в мировой литературе описаний семейного счастья; прочтите: так оно все и бывает.

*Лев Данилкин
(Афиша)*

Изумительно свежо, шедевр ностальгического эпатажа.

Vogue

«Метроленд» — описание бурных шестидесятых с точки зрения англичанина, студента-словесника, увлекающегося культурой Франции. Политические события уходят на второй план, это меньше всего объективное изложение исторических фактов, но как раз наоборот, субъективное повествование, фиксирующее эмоциональное восприятие мира обычным человеком, для которого его личная жизнь, личная история и французская литература гораздо важнее любых политических волнений.

Иностранная литература

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати — это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка — ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом — в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская
(*Psychologies*)

Не указывает ли само название «Метроленд» на экфрасис будущего творения героя — проект «Истории Лондонского общественного транспорта» с рисунками и фотографиями? Последние в романе играют определенную роль (например, фотографии с изображением красивых мест по линии метро), но они не заменяют картин, рисун-

ков, зданий. Зато в известной экранизации романа акценты смещаются: фотография вытесняет живопись, а жизнь — искусство...

Вестник Пермского университета

Барнс задает очень интересные вопросы: почему семейное счастье оказалось за бортом высокой поэзии/литературы? В какой момент семейный быт стал синонимом скуки, лицемерия, пивного пуза и глупого самодовольства? В какой момент здоровые отношения между людьми стали неинтересны писателям?

Писать о счастье действительно невероятно сложно (навскидку можно вспомнить «Старосветских помещиков» и Толстого до «Анны Карениной»; еще, пожалуй, «Дар» и «Память, говори» Набокова). История приучила нас к тому, что самые интересные сюжеты замешены на ревности, жадности и смерти, а самые ценные уроки мы извлекаем (или, чаще, не извлекаем) из предательств, поражений и катастроф. Счастье же по природе своей статично и самодостаточно, ему не нужны красивые метафоры и громкие слова, оно в них не нуждается, и потому оно — плохой материал для романа.

Так вот «Метроленд» в каком-то смысле вызов устоявшимся представлениям о роли счастья в западной литературе, Барнс пишет роман-ловушку...

Горький

Посвящается Лорин

Часть первая

МЕТРОЛЕНД
(1963)

A noir, E blanc,
I rouge, U vert, O bleu¹.

Артюр Рембо

¹ А — черная, Е — белая, И — красная, У — зеленая, О — синяя (*фр.*).

Нигде не написано, что в Национальную галерею нельзя приходить с биноклем.

Конкретно в ту среду, летом шестьдесят третьего, Тони ходил с блокнотом, а я — с биноклем. Пока что у нас получалось вполне продуктивное посещение. Там была молоденькая монашка в мужских очках, которая с умиленной улыбкой рассматривала «Чету Арнольфини» Ван Эйка, а потом вдруг нахмурилась и неодобрительно хмыкнула. Там была девчонка в замызганной куртке с капюшоном, которая буквально остолбенела перед алтарным образом Карло Кривелли и уже ничего вокруг не замечала, так что мы с Тони просто стояли с двух сторон и подмечали детали: слегка приоткрытые губы и легкое натяжение кожи на скулах («Заметил что-нибудь на виске со своей стороны?» — «Ничего». Так что Тони записал в блокноте: *«Дергается висок; только слева»*). Там был дяденька в темном костюме в белую полоску, с аккуратным косым пробором в дюйме над правым ухом, который весь корчился и изви-

Метроленд

вался перед каким-то маленьким пейзажем Моне. Он надувал щеки, медленно покачивался на каблуках, сдержанно выдыхал воздух и вообще был похож на воздушный шар с хорошими манерами.

Потом мы пошли в один из любимых залов — туда, где висела наша самая «полезная» картина: Ван Дейк, «Конный портрет Карла I». Перед картиной сидела тетенька средних лет в красном плаще. Мы с Тони тихонечко подошли к банкетке на другом конце зала и сделали вид, что нас очень заинтересовало какое-то жизнерадостное и ничем не выдающееся полотно Франса Хальса. Тони меня прикрыл, а я передвинулся чуть вперед и навел бинокль на тетку. Она сидела достаточно далеко, так что я мог без особого риска диктовать Тони свои наблюдения. Если даже она и услышит, что я что-то шепчу, так примет мой шепот за обычное для художественных галерей выражение благоговейного восторга.

В тот день в музее было не много народу, и никто не мешал тетке в красном плаще наслаждаться портретом в тишине и покое. А у меня было время додумать некоторые биографические детали.

— Доркинг? Бэгшот?¹ Сорок пять — пятьдесят. Лучшие годы уже позади. Замужем, двое

¹ Провинциальные города в южноанглийском графстве Суррей. (Здесь и далее примеч. перев.)

Часть первая. Метроленд (1963)

детей, мужу давно не дает. С виду вроде счастливая, в душе недовольная.

Вот, собственно, и все. Теперь тетка взирала на портрет чуть ли не с религиозным благоговением. Сначала обвела его быстрым взглядом сверху донизу, а потом стала рассматривать более пристально. Иногда она наклоняла голову набок и выпячивала подбородок; иногда раздувала ноздри, как будто пыталась унюхать какие-то новые аналогии в картине, иногда безотчетно проводила руками по бедрам. Но постепенно она прекратила елозить и застыла как изваяние.

— Вид религиозного экстаза, — шепнул я Тони. — Ну ладно... квазирелигиозного. Запиши, неплохая фраза.

Я снова сосредоточился на ее руках. Теперь она стиснула ладони наподобие мальчиков-алтарников. Потом я опять поднял бинокль к ее лицу. Она закрыла глаза. Я это отметил.

— Похоже, мысленно воспроизводит прекрасный образ, или смакует произведение, или вообще пребывает в эстетическом ступоре. Сложно сказать.

Я наблюдал за теткой в красном плаще минуты две, не меньше, а Тони с ручкой наготове ждал моих очередных комментариев.

У меня было два варианта: либо она действительно ушла в эстетическую нирвану, либо просто заснула.

1

ОРАНЖЕВЫЙ С КРАСНЫМ

Срезанная бирючина по-прежнему пахнет кислыми яблоками, как и тогда, когда мне было шестнадцать. Но это редкое затянувшееся исключение. В те годы все вокруг было другим: более восприимчивым и отзывчивым к аналогии и метафоре, чем теперь. Во всем было больше значений и больше трактовок; и истин, имеющих в наличии для свободного выбора, было значительно больше. И символизма во всем было больше. И мир содержал в себе больше.

Взять, к примеру, матушкино пальто. Она его сшила сама, при помощи портновского манекена, который жил в чулане под лестницей и рассказывал о женском теле все, при этом не говоря ничего (понимаете, о чем я?). Пальто было выворотным, то есть его можно было носить и налицо, и наизнанку. С одной стороны оно было ярко-красным, с другой — в крупную черно-белую клетку. Отвороты были отделаны тканью с «другой» стороны — на выкройке эта деталь обозначалась как «контрастный фрагмент у воротника». И на красной, и на клетчатой

Часть первая. Метроленд (1963)

стороне были большие, почти квадратные накладные карманы. Теперь-то я понимаю, что это была просто мастерски сшитая вещь. Но тогда это лишь доказывало, что моя матушка — человек хитрый и даже двуличный.

Со всей очевидностью эта двуличность подтвердилась в тот год, когда мы всей семьей ездили отдыхать на Нормандские острова. Как выяснилось, в карманы маминого пальто как раз помещалось по одному плоскому блоку сигарет. И матушка протащила через таможенную четыре контрабандных блока «Синьор сервис». Я был возбужден донельзя и почему-то чувствовал себя виноватым. Но в то же время в глубине души у меня было стойкое ощущение, что мама поступила правильно.

Но и это еще не все, что можно извлечь из самого обыкновенного пальто. Его цвет, как и фасон, таил в себе один секрет. Однажды вечером, когда мы с мамой возвращались домой, я посмотрел на ее пальто, вывернутое в тот день на красную сторону, и увидел, что оно стало коричневым. Я взглянул на матушкины губы, и они тоже были коричневыми. И легко было догадаться, что, если она сейчас снимет перчатки (тогда еще белые, а теперь просто застиранные), ее красные ногти тоже будут коричневыми. Вполне заурядное явление в наше время; но тогда, когда натриевые фонари на улицах только-только появились, оранжевое освещение интриговало и даже волновало. Оранжевый в сочета-

Метроленд

нии с красным дает темно-коричневый. Помню, тогда я еще подумал, что подобное может случиться только в предместье.

На следующий день в школе я рассказал об этом Тони. Он был моим лучшим другом, которому я доверял все секреты, обиды и почти все увлечения.

— Они даже спектр испоганили, — сказал я, заранее предчувствуя скуку из-за очередного, уже неизвестно какого по счету острого приступа возмущения.

— Ты ясней выразаться не можешь?

Насчет того, кто такие «они», у нас неясностей не возникало. Когда я говорил «они», я имел в виду собирательный образ всех законников, моралистов, поборников общественной нравственности и отсталых родителей из лондонских предместий. Когда «они» говорил Тони, он имел в виду то же самое, только из старого центра города. Никто из нас не сомневался, что это одинаковый тип людей.

— Цвета. Уличные фонари. Когда темно, они искажают цвета. Все становится коричневым или оранжевым. Такое впечатление, что ты на Луне.

В то время мы очень трепетно относились к цветам. Все началось во время летних каникул, когда я ходил гулять в парк и таскал с собой томик Бодлера. У него я прочел, что, если посмотреть на небо сквозь соломинку, его цвет будет более насыщенным и густым, чем если смотреть

Часть первая. Метроленд (1963)

просто так. Я сразу послал Тони письмо и поделился открытием. После этого мы и обеспокоились за цвета. Цвета — и с этим никто не поспорит — представляют собой чистейший абсолют для безбожников. И нам не хотелось, чтобы какие-то обыватели-бюрократы прибрали их к рукам. Они уже заполучили себе:

— ...язык...

— ...мораль...

— ...приоритеты в системе ценностей...

но этому в принципе можно не придавать значения. Каждый волен выбрать свой путь и идти по нему с важным видом, наплевав на мнение окружающих. Но если они заграбастают и цвета?! Это будет уже катастрофа. Даже остаться самим собой станет проблематично. Смуглый Тони с его полными губами и ярко выраженными восточноевропейскими чертами в размытом оранжевом свете станет похожим на негра. Сам я — курносый, с абстрактно английским лицом (совсем еще детским, нетерпеливо ожидающим эпохального шага за грань зрелости) — был в этом смысле в относительной безопасности. Но я нисколько не сомневался, что «они» обязательно что-то такое придумают, чтобы добраться и до меня.

Как видите, в те дни у нас было немало поводов для беспокойства. А почему нет? Когда же еще беспокоиться о действительно важных вещах, как не в ранней юности?! Мы с Тони все не волновались за нашу будущую карьеру,

Метроленд

поскольку знали, что к тому времени, когда мы вырастем, государство будет платить таким людям, как мы, только за то, что они существуют — просто расхаживают по улицам, как эти «бутерброды» с объявлениями и плакатами, и рекламируют хорошую жизнь. Нет... нас волновало совсем другое: чистота языка, самосовершенствование, предназначение искусства и плюс к тому некоторые абстракции, неосязаемые субстанции с большой буквы, как то: Любовь, Истина, Подлинность...

Наш блистательный идеализм вполне естественно проявлялся в форме воинствующего цинизма. Мы с Тони откровенно издевались над окружающими, причем из самых чистых — я бы даже сказал, искупительных, — побуждений. Мы избрали себе два девиза и руководства к действию: *écraser l'infâme*¹ и *épater la bourgeoisie*². Мы восхищались *gilet rouge*³ Готье и омаром Нерваля; нашей гражданской войной в Испании была *bataille d'Hernani*⁴. Мы распевали на два голоса:

Le Belge est très civilisé;
Il est voleur il est rusé;

¹ Изводить тех, кто нам неприятен (фр.).

² Эпатировать буржуазного обывателя (фр.).

³ Красной жилеткой (фр.).

⁴ Буквально в переводе с французского — битва Эрнани. Имеется в виду драма Виктора Гюго «Эрнани» (первая постановка 25 февраля 1830 г.), которая стала олицетворением битвы между классиками и романтиками.

Часть первая. Метроленд (1963)

Il est parfois syphilisé;
Il est donc très civilisé¹.

Последняя строчка приводила нас в полный восторг, и при любой возможности мы старались вернуть какой-нибудь ненарочитый омофон² в наши с ним высокопарные диалоги на уроках французского. Сначала нужно придумать какую-нибудь совершенно бредовую, но грамматически правильную фразу с обязательным по-галльски презрительным замечанием в скобочках по-английски... что-то типа:

«*Je ne suis pas, э-э... d'accord ce qui, ce que?* (нахмуренный взгляд в сторону учителя) Барбаровски — э-э... *a juste dit...*»³,

а потом — прежде чем учитель успеет оправиться от расстройства, услышав такую вот идиотскую фразу, — кто-то из нашей группы

¹ Бельгия — очень культурная страна;
Там есть воры и есть хитрецы;
Иногда встречаются и сифилитики;
Вот почему она очень культурная (*фр.*).

Здесь и далее все построено на игре слов. Французские слова *civilisé* — «культурный, образованный» и *syphilisé* — «больной сифилисом» пишутся по-разному, но произносятся одинаково и поэтому неразличимы на слух.

² *Омофоны* — слова, которые звучат одинаково, но имеют разное написание и значение, например «луг» — «лук».

³ «Меня нет, значит я кто-то... что-то? Барбаровски только что сказал...» (*фр.*)

Оглавление

Часть первая МЕТРОЛЕНД (1963)

1. Оранжевый с красным	16
2. Два мальчика	24
3. Кролики, люди	31
4. Конструктивные прогулки	41
5. J'habite Metroland	50
6. Выжженная земля	64
7. Кривая вранья	73
8. Секс, строгость, война, строгость	87
9. Страх и смерть — на одну букву	91
10. Тоннели, мосты	101
11. ДСС	109
12. Сильнее и ниже	117
13. Взаимосвязи	125

Часть вторая ПАРИЖ (1968)

1. Karezza	136
2. Demandez Nuts	145
3. Редон, Оксфорд	187

Оглавление

4. Счастливые пары	200
5. Je t'aime bien	214
6. Взаимосвязи	229

Часть третья МЕТРОЛЕНД II (1977)

1. Голые великанши	241
2. Текущие расходы	254
3. Встает всегда, но не всегда — ко времени ...	272
4. Секс — это тоже своеобразное путешествие ..	282
5. Доска почета	293
6. Взаимосвязи	310

Барнс Дж.

Б 25 Метроленд : роман / Джулиан Барнс ; пер. с англ. Т. Покидаевой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 320 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-13303-7

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс — один из самых ярких и оригинальных прозаиков современной Британии, автор таких международных бестселлеров, как «Шум времени», «Предчувствие конца», «Артур и Джордж», «История мира в 10½ главах», «Попугай Флобера» и многих других. Возможно, основной его талант — умение легко и естественно играть стилями и направлениями. Тонкая стилизация и едкая ирония, утонченный лиризм и доходящий чуть ли не до цинизма сарказм, агрессивная жесткость и веселое озорство — Барнсу подвластно все это и многое другое.

«Метроленд» — это дебютный роман Барнса, «шедевр ностальгического эпатажа» (*Vogue*) и в то же время «одно из лучших в мировой литературе описаний семейного счастья» (Лев Данилкин). Роман получил престижную литературную премию имени Сомерсета Моэма и был экранизирован (режиссер Филип Савилл, в главных ролях Кристиан Бейл и Эмили Уотсон). Итак, добро пожаловать в Метроленд. О «бурных шестидесятых» и об их последствиях писали многие, но никто еще не делал этого так, как Барнс — единственный, кто не плакал, но смеялся над взлетом и падением прекрасной эпохи. В Метроленде люди когда-то пытались изменить мир — и сами не заметили, как мир изменил их...

Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖУЛИАН БАРНС
МЕТРОЛЕНД

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Анна Быстрова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать 03.11.2017. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-SMN-21457-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19
e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60
e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/